

Владимир Иванович Мартынов

В общем, вот эта пора пустынная – это Pax Romana, Pax Visantiae.

И последнее, что я хотел сказать. *Homo urbanus* и *Homo errans*: городской человек и бродяга. Городской человек живет в доме, это домашний человек. И очень хорошо Хайдеггер сказал, что язык – это дом бытия. Замечательно сказал, но это хорошо подходит для вот этих домашних городских людей. А мы, *homines errans*, хотим этот дом разобрать, мы его уже разобрали. *Мы хотим жить не в доме бытия, и мы хотим жить в самом бытии, где нет никаких стен и поэтому мы – homines errans, и в этом при-зва-ние рус-ско-го че-ло-ве-ка.*

Доклад 11.

Гибридная идентичность в контексте русской идеи

Иеромонах Лаврентий (Руслан Васильевич Собко)

Преподаватель Нижегородской духовной семинарии,
духовник Нижегородской духовной семинарии.

Уважаемые участники, я в своем докладе хотел бы порассуждать о том, что же такое русская идея. На мой взгляд, сама концепция русской идеи неоднозначна.

Итак, русская идея – она непосредственно связана с понятием «русский мир», которое, вероятно, в XXI веке требует отдельного исследования. Что же такое русский мир сейчас? Само понятие «русский мир» не оригинально, и в античности существовал некий «Pax Romana» – римский мир, римский круг римских земель: «Orbis romanus pictus». В современном контексте, наверное, Pax Romana чаще упоминают как Pax Americana – американский мир. То есть можно сказать, что русский мир, хотя и сейчас иногда представляют его как некоторое современное политическое изобретение, но это одна из форм античной национальной или наднациональной, транснациональной идентичности. Если мы используем этот термин именно как мир, Pax Romana или Americana, то можно ли сказать, что это русская идея, или здесь мы уже следуем в контексте европейской цивилизации: вот существует какая-то древняя идея римского мира, и мы ее транслируем. Или нам нужно было бы изобрести какое-то свое понятие? Существует ли кроме этого какой-нибудь другой, например, японский мир или китайский мир. С одной стороны, учитывая цивилизацию культуры этих стран, можно действительно сказать, что какой-то есть особый путь китайский и японский, а с другой стороны, японский мир, он не часть ли современного американского мира или европейского мира? А если брать как некую национальную религиозную идентичность, то не часть ли это буддийской цивилизации или индуистской цивилизации? Вопрос весь в том, что хочет человек выяснить, когда он называет свой мир русским миром, китайским миром, американским миром. Что есть признак этого всего?

Кажется, когда говорит человек о некоем мире, наверное, он хочет указать на успешность цивилизации, и современный китайский путь – это путь второй экономики или даже первой экономики, а современный какой-нибудь японский мир – это, вероятно, прогрессивный послевоенный японский мир. То есть можно сказать, что в этом смысле и русский мир – это успешный мир, успешная удачная идея, действенная идея. Такая идея, при которой цивилизация развивается, превосходит другие цивилизации или хотя бы успешно конкурирует с ними. Так как все-таки это изначально *Rex Romana*, т. е. географическое понятие. Отнюдь не наднациональная, не идейная – это еще и концепция удачная для конкретного географического региона. В этом смысле возможно, что русский мир, русская идея только должна быть сформулирована. Это новая совокупность цивилизационных черт, которые потом, когда мы ее сформулируем, закрепятся и приведут к созданию новых черт русского человека, русской нации. Возможно, это будет не совсем похоже на традиционную «русскость», на национальную, культурную или философскую «русскость». Примерно так произошло с Японией, Китаем, Сингапуром. Хотя в определенных пределах они сохранили и какую-то свою древнюю национальную идентичность.

Предположительно возникновение термина «русская идея» стало философским ответом на возникшую чуть раньше политическую концепцию. Примерно в 1820-е или 1830-е годы русская идея появилась, затем эта идея развивается к 1860-м годам. Удивительно, что и в Российской империи в XIX веке, и в Советском Союзе было поколение шестидесятников с одними и теми же проблемами. В рамках русской философии чуть больше это дискутируется в семидесятых – восьмидесятых годах. Затем в 1920-х годах, в контексте русской революции, так или иначе дискутируется. Небольшой пик возникает в период Великой Отечественной войны – об этом мы скажем позже. И огромное количество упоминаний русского мира, русской идеи наблюдается в 2000-х годах, что тоже объяснимо.

В период своего возникновения русская идея не оригинальна. Но если мы прочитаем источники в Ngram, сделать это на сайте Google Ngram можно, зайдём и прочитаем источники, где упомянут русский мир, русская идея, то изначально это размышление началось с рассмотрения, что есть немецкий порядок, английский порядок, потом задался вопросом, а может быть какой-нибудь русский порядок? Какой-то такой же по принципу. Начинают дискутировать в ответ на концепцию православия, самодержавия, народности, государственную концепцию государственного русского мира, русскую идею. Если сравнить с

упомянутыми выше Японией, Кореей, Сингапуром, то первоначально спор был о том, в какую сторону изменяться, и даже этот спор доходил до зафиксированного в литературе: «умная нация (имеется в виду наполеоновская Франция) завоевала бы глупую нацию (т. е. русскую)». Что вполне схоже с современным дискурсом «пили бы баварское». Как некоторые сейчас говорят в споре о русском мире, о том, что же это такое русский мир и что полезнее для этого русского мира вплоть до таких настроений – эта идея, как мы видим, не оригинальная. В общем и целом этот спор вылился потом в спор западников и славянофилов. Если не разбирать этого спора в подробностях, то западники устремляли Россию к современности, к будущему, а славянофилы и евразийцы искали великое прошлое и особый путь, но этот особый путь возник как раз по причине пробуксовки идей западников. Как оказалось, перенос европейской цивилизационной модели не работает в смысле простого современного «копировать, вставить». Пробуксовывает в силу географических, экономических, социальных, религиозных особенностей нашего региона. Поэтому «почвенники» обратились к успешной модели православного царства, к обновленной модификации этого царства-империи, например, Петра I. Это опять же роднит их с современным неоконсерватизмом и знаменитым «*Make America great again*». Опять же надо взять древнюю Америку и сделать ее снова великой. Или соседи наши – турки, у них есть неопантюризм такой, что-то им нужно создать в стиле сериала «Великолепный век». Хотя в традиционную Турцию, конечно, актеров этого сериала бы не пустили.

А в нашей более поздней картине мира это соответствует мифической Святой Руси. Возникновению политического или идеологического концепта Святой Руси можно было бы посвятить отдельные исследования. Может быть, такие есть, но я пока не видел.

Продолжим, если еще взять дальше, то это царство израильское, легендарное царство Давида, Соломона, как некое працарство в библейском дискурсе, и выходящая отсюда мессианская идея.

Русская идея национальная как идея националистическая – не скажу нацистская, но что-то похожее. Вот именно националистическое русское с ударением на слове «русское» начинает развиваться в предреволюционной России, вероятно, это связано с преобразованиями буржуазными. Но постольку, поскольку буржуазные империи так или иначе затрагивали национальные вопросы. Потом русская идея развивается в рамках эмигрантского дискурса и включает в себя уже мифологизированное самодержавие, национализм с очень большой долей антисемитизма и культурологический миф о Российской империи.

Теперь легендарное царство древнее – это Российская империя. Все это сформулировано в виде знаменитого мема «Юнкера, балы и хруст французской булки». Интересно, что в рамках этого дискурса возникает несколько псевдоисторических произведений, т. е. такому мифу национальному обязательно нужна псевдоистория или что-то подобное. Это такие произведения, как «Протоколы сионских мудрецов», «Красная симфония», знаменитая «Велесова книга» языческая (она тоже наследие именно иммигрантского национального дискурса). Возникает там же первая националистическая редакция службы Святому Царю Николаю Второму. Не то, что мы сейчас имеем, а именно с упоминанием «жидов», заговоров и с большими отсылками на исторический контекст. В частности, и здесь наблюдается противостояние русской эмигрантской идеи как движущие силы русского корпуса немецких сил вермахта.

И вот СССР вынужден, как раз в годы Великой Отечественной войны, в связи с этим пиком, о котором я говорил, вынужден обратиться к советской идее, к русской идее советского образца. В каком-то смысле она копирует знаменитые православие, самодержавие, народность, но с учетом советской специфики. В некоторых исследованиях я высказываю осторожную мысль, что подобное сталинское копирование православия, самодержавия и народности подготовило почву к распаду Советского Союза, хотя бы идеологическому, потому что фактически идеология коммунистическая стала играть уже на чужом поле. Показательно, что русская идея именно в ее националистическом варианте возникает или возобновляется сразу же после распада СССР. Причем националисты здесь были двух таких отраслей: условные некоммунисты и православные мигрантские группы. И те и другие к нерусским относились с большим подозрением. Чуть позже, уже к 2010-м годам, возникает еще одна группа националистическая с русской идеей с упором на слово русское – это неоязычники. Несмотря на кажущуюся оригинальность славянских, арийских вед, эта русская идея не преодолела проблемных мест первых двух групп. Самая большая претензия именно к этим националистическим идеям, кроме того, что они откровенно нацистские, если убрать и забыть, что они нацистские, в том, что, как ни странно, эти русские идеи не объединили именно русских, а скорее, их разобщили. То есть монархисты не смогли договориться с другими; начали славянские язычники измерять черепа и рассуждать о том, кто русский, кто нерусский и в прямом смысле ругаться: «Вы там, может быть, мариец какой-нибудь или еще кто-то, поэтому мы вас русским уже не считаем». Не говоря о том, что те же неославяне не смогли даже между собой объединиться.

Существовала ли русская идея в том или ином виде до возникновения концепций, описанных в статье? С одной стороны, да, с другой, нет. Этническая идентичность как русская идентичность складывается еще в эпоху родоплеменного строя, соответствует патриархальной системе или племенному объединению. В период формирования городов-государств эта идентичность трансформируется в идентичность географическую, которая связана уже не с национальностью, а больше с местом жительства, чем с языком или обычаями. Греческие полисы, например, воевали друг с другом, хотя они были культурно и религиозно одинаковыми. Русские города между собой воевали и вполне оставались русскими, потом и православными. Религиозная идентичность возникает из политической, но если «политическое» иметь в виду от слова «полис».

В постмифологическую эпоху трактуется как Божественный закон, некая легитимность со стороны высших сил: «Тора», если брать совсем древность, затем «христианский закон», «магометанский» закон. В этом виде русская идея описана в «Повести временных лет» в виде двух аргументов: первый – это религиозно-политическая теория происхождения народов от трех библейских братьев: Хама, Сима, Иафета. Здесь через Иафета мы получаем некую национальную легитимность, что мы исходим от правильного предка, имеем некую включенность в эту мировую картину. Второй аргумент – теологический. Исторические построения, рассказывающие события условной русской истории с некоторыми библейскими событиями или с библейскими пророчествами. То есть что наша история протекает, воплощает историю общую, описанную в Библии как в доступном тогда документе. В этом виде религиозная идентичность включала и включает в себя еще и культурную, и юридическую идентичность. Определенный образ жизни и связанные с этим образом жизни правовые нормы, нарушение которых или выход из религии, например, трактовался как государственное преступление. В самом начале своего появления религиозная идентичность объединяет надплеменные союзы, однако когда эта простая религиозная идентичность усложняется – она уже не закон, то трансформируется в политическую теологию. Такова, например, идея провозглашения Ивана Грозного как христианского императора, как православного русского царя. Такова идея Москвы как третьего Рима или западная идея Священной Римской империи германской нации. Здесь уже можно сказать, что это цивилизационная идентичность или цивилизационная легитимность. С другой стороны, Священная Римская империя отдаленно напоминает Римскую империю оригинальную, а Московское царство – это не совсем Византия. Тут возникает вопрос, что же

хочет показать человек, который говорит о подобной идентичности. Религиозная идентичность эффективна, когда она является простой идентичностью, понятной идентичностью, но здесь можно вспомнить сложный иудаизм и простое изначальное христианство, затем христианство усложняется, догматизируется, превращается в государственную идеологию и возникает ислам, который на самом деле гораздо проще и даже в правовом смысле эффективнее, чем христианство. В этом смысле он подобен христианскому протестантизму, условно можно его так назвать. Или традиционный католицизм, тоже государственный, надгосударственный, имперский. И протестантизм с той же самой идеей, который объединяет на простых основаниях уже малые нации. Но в каком-то смысле именно русская идея как идея третьего Рима или идея православного царя уже связана с деконструкцией традиционной религиозности, потому что когда религия усложняется, то превращается в религию философов – такой древний термин, известный еще со времен Античности. Политическая теология, когда она достигает эпохи Империи, превращается в политическую идеологию, и национальная политическая идеология берет из религиозной картины мира встроенность во всемирный исторический процесс и мессианизм.

Интересно, что политическая религиозная идея не срабатывает как национальная идея уже на этапе политической теологии. Так, например, ислам не объединяет даже арабоязычные страны, не говоря уже о других исламских странах. Православие не объединяет, скажем, славянские страны, не говоря о странах неславянских, но православных. То есть здесь мы имеем в виду дело с политической теологией и религией философов.

В связи с разрушением империи происходит деконструкция государственности, но, поскольку сами империи объявляются неким злом, которое должно распасться, то возникает идея разрушения государства. Она, правда, еще и религиозная. В этом смысле можно вспомнить апостола Павла и христиан, которые утверждали, что нет ни раба, ни свободного, что нет государства, где пребывающего. Или вспомнить того же Булгакова, его Га-Ноцри, который говорит, что наступят времена, когда не станет никакого государства. Или известного мистика Иоахима Флорского, средневекового, с его царством Святого Духа. Владимира Соловьева, который это царство Святого Духа развивал, но, правда, скажем, он-то надеялся развить мессианизм в том смысле, что эта негосударственность станет надгосударственностью, станет всеобщей идеей, но в результате этого не вышло.

Однако идея деконструкции государства прочно устоялась. И эта деконструкция государственности стала частью нашего культурного кода.

Например, СССР в каком-то смысле, деконструирует Российскую империю. То есть без этого он не существовал. Российская империя деконструирует СССР. США и СССР в каком-то смысле пытаются создать наднациональную общечеловеческую идентичность, хотя бы в виде идеологии, однако этот идеальный космополитизм вырождается со временем в мессианизм. То есть это не то, что мы все одинаковые и между нами нет различия, а то, что кто-то прав, кто-то старший брат, у кого-то есть истина, и все должны примкнуть и все стать гражданами мира. Но лишь одного мира, конкретно русского, американского и т. д. Тут возникает вопрос, а если брать меньшее, маленькую наднациональную идентичность? У нас есть соседи: Турция, Азербайджан – у них есть такой лозунг: «Два государства, один народ». Насколько это успешно, не совсем ясно, но как-то они так говорят. Россия и Беларусь – это тоже два государства, один народ или нет? Этот вопрос точно требует разработки. По крайней мере успешные примеры мы видим. Интересно, что славянская идея в каком-то смысле не совсем то же, что и русская идея. Вероятно, в период Московского царства это могло совпадать, но и здесь уже изначально было два славянских царства: это русское и литовское царство, которые потом даже религиозно разделились на две метрополии церковные. Московская метрополия и Литовская метрополия. Параллельно с этим противостоянием развивался польский мессианизм и даже до сих пор развивается, причем интересное исследователи говорят, что в тех же лекалах, что и русские. В том смысле, что вот абсолютно те же идеи, но поляки говорят, что они более умные и цивилизованные, а мы, когда хотим быть центром цивилизации, говорим, что мы сильные и духовные. Но если взять империю от моря до моря, например, или, скажем, что поляки считают Запад тоже загнивающим, а себя истинными такими европейцами, настоящими, которые сохранили европейскость традиционную, то в этом смысле, если заменить слово «Польша» словом «Россия», то фактически у нас получатся одни и те же книги.

Подводя итог, хочу сказать, что русская национальная идея и русская идентичность – это идентичность гибридная. К этому пониманию вынуждают нас современные исторические события, в частности могу и самого себя привести в пример. Я, как это видно, может быть, даже из моей фамилии, украинец. После распада Советского Союза я размышлял долго. Я русский? Я украинец все-таки? Даже пытался восстановить свою украинскую идентичность или отказаться от нее. Так получилось, что в конце концов я подумал – я гражданин Советского Союза. Хотя его уже нет, но тем не менее я понял, что делить мир на русских, украинцев и еще кого-то не привык, воспитан не так был. Поэтому моя

идентичность включает всё сразу. Она не современная. Могут ли так сделать современные люди или нет? С другой стороны, несмотря на то, что у меня есть какая-то советская идентичность, я представитель русской церкви. Насколько русская церковность может совпадать с идентичностью советской? Это достаточно большой вопрос, и если так дальше рассуждать, то можно самим себе задать вопрос, не является ли эта идентичность некоей внешней?

Дело в том, что эпоху постмодерна можно назвать эпохой изобилия, но изобилия не только экономического или технического, но и интеллектуального. В связи с этим некий постчеловек, человек эпохи постмодерна, потребляет интеллектуальный продукт, и в этом смысле он может потребить неограниченное количество идентичностей, зачастую очень противоречивых. Что, однако, позволяет манипулировать идентичностями примерно таким же образом, как и обилием товаров и реклам. В частности, современные многочисленные сексуальные идентичности – это не что иное, как интеллектуальный продукт, который можно подобрать под себя. Обилие идентичностей показывает, что мы имеем дело не столько с каким-то архетипическим, сколько с действительно интеллектуальным продуктом. Можно сказать еще, что все эти процессы, идея национальные – это мысли, и они накладываются на различные скорости исторического развития, его цикличность в приложении к региональным особенностям. Что в какой-то степени не позволяет миновать определенные этапы. Например, в арабских странах направляли своих известных сограждан учиться на Западе, и те там проявили себя как интеллектуалы, деятели культуры, вежливые, утонченные, но, возвращаясь, они превращались в обычных исламских террористов. Пока все государство не пройдет определенного пути, сколько бы ни вкладывало оно в образование – это не принесет какого-то результата. В этом смысле важно понять, на каком этапе мы находимся. Деконструкция, которая у нас происходит, деконструкция государства, деконструкция семьи, деконструкции религии в том числе – она в конце концов позволяет нам в рамках неоконсерватизма попробовать реконструировать, но единственное, что, на мой взгляд, нужно, если мы хотим реконструировать вот это всё, что я назвал: семью, государство, политическую какую-то идентичность – не надо ее копировать из прошлого, поскольку прошлое оказалось уже неэффективным. И, вероятно, именно это описано в тринадцатой статье нашей Конституции, которая говорит, что никакая идеология не может быть объявлена государственной, потому что эта идеология, скажем так, показала неэффективность в качестве русской идеи.

Доклад 12.

Русская философия как выход за пределы

Олег Георгиевич Бахтияров

Автор метода психонетики, техник активизации сознания и работы с сознанием. Генеральный директор Университета эффективного развития.

Эта тема в том, что русская философия подходит к каким-то пределам и интерес возникает не к тому, что есть, а к тому, что там. И это мне представляется достаточно важным в русской философии. Тем более что в размышлениях о русской философии часто присутствует некое таинственное, на первый взгляд, самоотрицание.

При обсуждении русской философии, истории русской философии достаточно часто встречается утверждение, что русской философии как таковой нет. И частота этого «нет» достаточно велика, притом что массив русских философских публикаций (именно авторов) достаточно велик.

Достаточно назвать имена Флоренского, Левицкого, философа уже послевоенных лет – Зиновьева. И это вызывает подозрение, что слово «нет» обозначает не отсутствие философии как таковой, а нечто непроявленное в видимых текстах, то, что находится по ту сторону их.

Нечто такое, для выражения чего нет адекватного языка. Мы понимаем, что мы хотим что-то выразить, фундаментальное и существенное, начинаем выражать на том языке, который существует, языке, который сложился в философии достаточно долгое время, на том языке, который дает нам возможность описать многие вещи. Но вместе с тем этот язык весьма ограничен, и у нас остаются некие неопиываемые зоны. То есть нечто такое, для выражения чего нет адекватного языка. Эта тема звучит у нас регулярно и систематически. Многие современные поиски и ранние разработки были связаны именно с тем, что мы постоянно подходим к этому барьеру, барьеру, который поставлен нашими представлениями, нашим языком, всем тем, что образует преграду между нами и реальностью, которая находится за пределами нашего ограниченного человеческого сознания.